

Лейкин Николай Александрович

Именины в углах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Именины в углах / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 46 с.

ISBN 978-5-519-92917-2

ISBN 978-5-519-92917-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Небольшая комната, окрашенная желтой краской. Прямая дверь; на лѣво окно. По стѣнѣ стоитъ старинный комодъ, на комодѣ посудный шкафчикъ съ стеклянными дверцами, въ которыхъ видны стоящія на полкахъ чашки, стаканы и рюмки. На лѣво у стѣны старый клеенчатый диванъ съ валиками. Надъ диваномъ, на стѣнѣ висятъ: фуражка, манишка и прилѣплены раскрашенныя картинки безъ рамокъ. Правый уголъ отгорсженъ ширмами, оклеенными обоями, лѣвый—ситцевыми занавѣсками на веревкѣ и шкафомъ. Посреди комнаты простой столъ, покрытый салфеткой, и нѣсколько ободранныхъ разнокалиберныхъ стульевъ. Вообще въ комнатѣ тѣсно. При поднятіи занавѣса, Митревна въ новомъ ситцевомъ платьѣ и въ чепцѣ суетится у стола, выкладывая на тарелки изъ тюрюковъ: булки, пряники, пастилу и колбасу. Филиппъ Михайлычъ сидитъ на стулѣ у открытаго окна и старается наиграть на трубѣ пѣсню «Кринолинъ, кринолинъ», но изъ трубы выходятъ какіе то дикіе звуки. За ширмами, на диванѣ лежитъ полупьяный Будкинъ. Онъ по временамъ охаетъ и произноситъ: «Боже, очисти мя грѣшнаго!»

ЯВЛЕНІЕ I.

МИТРЕВНА, ФИЛИПЪ И БУДКИНЪ.

МИТРЕВНА.

О, господи, оглушилъ совсѣмъ! Филиппъ Михайловичъ, да брось ты эту трубу! Ну, что она тебѣ далась? Сибирь, просто Сибирь! Диви бы струментъ хорошій былъ или бы выходило что, а то одно только безобразіе!

ФИЛИПЪ.

Нѣтъ, Матрена Митревна, вы этого не извольте говорить, я ужъ теперь эту самую пѣсню наигрывать могу. Вотъ послушайте... (*Трубитъ*).

МИТРЕВНА.

Честью тебя просять: оставь. Ну хоть для именинъ моихъ брось! Вѣдь насъ съ квартиры сгонять. Давеча я къ обѣднѣ шла, такъ дворникъ и то говорилъ: кто это, говорить, у васъ на трубѣ играетъ? Жильцы жалуются: покоя, говорятъ, нѣтъ. Онъ бы хоть окошко то закрывалъ.

ФИЛИПЪ.

Жалуются? А вѣдь это за вчерашнее. Вчера я гляжу въ окошко и вижу, что по двору старуха чиновница плетется, вотъ что надъ нами то живетъ. Съ кулькомъ,—надо стать изъ рынка. Захотѣлось мнѣ ее поугатъ: высунулся изъ окошка да какъ трубу на нее въ трубу,—она такъ и присѣла. Ругаться начала. Страсть какъ ругалась!

МИТРЕВНА.

Вотъ видишь, обругала, а тебѣ все неймется.

ФИЛИПЪ.

Что жъ что обругала? Брань на вороту не виснетъ. Собака лаетъ—вѣтеръ носить.

МИТРЕВНА.

Ужъ по мнѣ заводить инструментъ, такъ заводить хорошій, напริมѣръ: гитару. Покрайности слушать пріятно и чувствительно.

ФИЛИПЪ.

Гитару то надо купить... А купить на какія деньги? Бушило то у насъ притупило. Труба даромъ досталась, баринъ подарилъ. Холостой былъ, такъ игралъ на ней, а какъ женился, такъ ему жена и запретила. Славно онъ игралъ! (*Смотритъ въ окно и кричитъ*): Лукерья Ивановна, куда это вы спѣшите? Въ лавочку?.. Гостинчика принесите... (*Посылаетъ ей летучій поцѣлуй*).

МИТРЕВНА.

Вотъ ты тоже до женскаго пола охотникъ, дѣвушекъ обижаешь, а это нехорошо.

ФИЛИПЪ.

Черезъ женскій полъ я, Матрена Митревна, истинно несчастный человѣкъ. Черезъ женскій полъ я мѣста лишился, да вотъ и вчера ходилъ наниматься къ полковницѣ, — такъ тоже черезъ женскій полъ не взяли. А мѣсто хорошее: десять рублей жалованья и горячее отсыпное. Выходитъ барыня, взглянула на меня и говоритъ: нѣтъ, говорить, ты мнѣ не годишься, мнѣ нужно человѣка постарше, потому у меня двѣ горничныя

молодыя, а я въ своемъ домѣ разврата не терплю. Да я, говорю, сударыня, на нихъ и вниманія обращать не буду. Что мнѣ въ нихъ? Мнѣ онѣ словно трава. Нѣтъ, уже это, говорить, вы всегда такъ говорите, а потомъ и заведете шуры-муры. Такъ и не взяла... (*Молчаніе. Ложится на диванъ и начинаетъ плевать въ сторону*).

МИТРЕВНА.

Ты опять плеваться! Ну, что это за манера у тебя? Видишь, полъ чистый.

ФИЛИПЪ.

Да ужъ это такъ, отъ скуки.

МИТРЕВНА.

Пошолъ бы прогуляться. День воскресный, на улицѣ народу много.

ФИЛИПЪ.

Не пойду. Что такъ зря то болтаться?

МИТРЕВНА.

Ну, въ лавочку сходи, спроси: не слыхалъ ли лавочникъ что о мѣстѣ? Пріятелей просилъ бы.

ФИЛИПЪ.

Что жъ каждый то день по одному мѣсту болтаться? Вчера ходилъ спрашивалъ. Теперь бы мнѣ слѣдовало по настоящему поденно въ официантахъ ходить, да фракъ въ мытьѣ!..

МИТРЕВНА.

Ужъ заложилъ? Ахъ ты какой!

ФИЛИПЪ.

Что жъ мнѣ дѣлать то? Сами же вы вчера за квартиру деньги просили.

МИТРЕВНА.

Какой же ты послѣ этого лакей? Лакей безъ фрака, что солдатъ безъ ружья.

БУДКИНЪ (*показывается изъ за ширмъ. Онъ въ рваномъ пальто, голова всклокочена*).

Страсть какъ голова трещить! Митревна, Бога ради, сбѣгайте, принесите косушку.

МИТРЕВНА.

Ну вотъ еще что выдумалъ! Стану я въ день своего ангела по кабакамъ шлаться. Выпей вотъ, я тебѣ рюмочку поднесу. Поздравь меня съ ангеломъ...

БУДКИНЪ.

Что рюмка! Еще хуже будетъ, только разбередишь себя. Сдѣлайте божескую милость.

МИТРЕВНА.

Не пойду я. Ступай самъ въ кабакъ, тамъ и выпьешь. Только уже пьяный сюда не являйся, потому у меня гости будутъ...

БУДКИНЪ.

Я бы и пошолъ, да боюсь, что тогда я противъ препорціи вышью, а тогда я въ себѣ невластенъ, все пропить могу. Сходите!..

МИТРЕВНА.

Ни за что на свѣтѣ!

БУДКИНЪ (*помолчавъ*).

Ну, такъ ужъ поднесите хоть рюмочку то. (*Митревна наливаетъ ему изъ полуштофа рюмку водки. Онъ пьетъ*). Съ ангеломъ! (*Вздыхаетъ*). Боже, очисти мя грѣшнаго! (*Уходитъ за ширмы*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И АРЕФЬИЧЪ.

АРЕФЬИЧЪ (*входитъ. Онъ въ пальто, въ котиковой фуражкѣ. На плечъ у него холстинный мѣшокъ; въ рукѣ вѣтникъ*).

Здравствуйте, матушка Митревна. Съ ангеломъ! Сто лѣтъ вамъ жить и не стариться! (*Троекратно цѣлуется съ Митревной*).

МИТРЕВНА.

Садись, Арефьичъ. Вѣдь, поди сморился... Гдѣ побывалъ?

АРЕФЬИЧЪ *(кладетъ въ уголъ
мѣшокъ, вѣшникъ и садится)*.

Все по благодѣтелямъ, все по благодѣтелямъ. У Андріана Матвѣича былъ. Господи, какъ люди поднимаются! Еще казачкомъ его помню, махонькимъ мальчишкой уши ему диралъ, а нынче онъ у графа Басманова полнымъ дворецкимъ состоитъ. Всему дому воротила и хорошія деньги наживаетъ. Да... въ баньку съ нимъ ходили. Перцовкой я его натеръ. Самъ то онъ толстъ, такъ не можетъ. Вотъ, Митревна, я и вѣшникъ принесъ, потому оно по хозяйству пригодится. Ужъ и благодать же въ банѣ была! Паръ легкій, вѣшники душистые. Ахъ, у нашего барина покойника, дай Богъ царство небесное, эти бани то были, такъ просто бѣда! Бывало сосѣднихъ помѣщиковъ созовешь — и въ баню... Вина въ волю. На каменку пѣнникомъ поддають. Сами перепьются, насъ перепоятъ да изъ бани то въ садъ, какъ мать родила, выскочатъ да на лугу танцы и начнутъ танцовать. Прежніе то господа веселые были; нынче уже не то! *(Биваетъ головой на ширмы)*. Что сосѣдъ то пьетъ?

МИТРЕВНА.

Пьетъ. Охъ, какъ пьетъ. Не приведи Богъ какъ!

АРЕФЬИЧЪ.

Скверно. Вѣдь этакъ онъ пожалуй до неумытыхъ допьется.

МИТРЕВНА.

Ужъ допился, Арефъичъ, допился... Вчера это я передъ всеношной прилегла соснуть, только вздремнула, вдругъ какъ онъ заоретъ во все горло. Я такъ съ постели горохомъ и скатилась. Подбѣгаю къ нему, а онъ стоитъ въ одномъ исподнемъ, руками машетъ и реветъ во все горло: уберите ихъ, уберите! Смотрю, никого нѣтъ. А это онъ до нихъ, не въ день ангела будь помянуты, допился.

АРЕФЪИЧЪ.

Да, пьянство это пуще всего на свѣтѣ.

МИТРЕВНА.

А вотъ, Арефъичъ, говорятъ, что у пьющаго человѣка подъ сердцемъ такая жаба сидитъ, которая этого самаго винца проситъ.

АРЕФЪИЧЪ.

Про жабу не слыхалъ, матушка, а что эти люди злыми людьми испорчены, такъ это вѣрно. Ну-съ, былъ я еще у купца Подъядалова. Тоже нашего барина крестьяниномъ былъ, а теперь домъ каменный выстроилъ. Добрѣйшій души человѣкъ. Рублишко мнѣ далъ, да пальтишко старенькое подарилъ. (*Достаетъ изъ мѣшка пальто*). Новенькое, совсѣмъ новенькое.

ФИЛИПЪ (*подходитъ и начинаетъ разсматривать пальто*).

Да, новое! Тетка Агафья носила да до дыръ проносила!

АРЕФЬИЧЪ.

А ты, молодецъ, наживи прежде свое такое да постѣ и говори.

ФИЛИПЪ.

Что-же, у насъ и почище бывали. Было время, мы и при часахъ съ цѣпочкой ходили. (*Отходитъ и ложится на диванъ*).

АРЕФЬИЧЪ.

Мало ли что было! Было да сплыло! (*Беретъ мѣшокъ, пальто, уноситъ ихъ за занавѣску и снова возвращается*).

МИТРЕВНА.

А я гостей дожидаюсь, да что-то нейдутъ. Кумъ хотѣлъ быть, племянница Наташа, что у генеральши Потасканьевой въ горничныхъ живетъ, да еще кой кто. Я тебѣ, Арефьичъ, по секрету скажу: я вѣдь Наташу то куму сватаю. Конечно онъ вдовецъ, а все-таки мужчина въ самой порѣ и на коронной службѣ состоитъ. Онъ при театрѣ сторожемъ служить. Жалованье жалованьемъ, а то они платѣ господское сохраняютъ и за

это получаютъ. Ну, кто гривенникъ дастъ, кто пяти-
алтынный, смотришь—оно и наберется. Вѣдь курочка
по зернышку клюетъ да сыта бываетъ. Онъ вотъ На-
ташу то посмотрѣть придетъ, такъ можетъ быть и
порѣшимъ сегодня.

АРЕФЬИЧЪ.

Дай Богъ! Дай Богъ!

МИТРЕВНА.

Конечно. Что жъ мужчинѣ такъ то жить? Вѣдь одурѣешь.

АРЕФЬИЧЪ.

Истинно, матушка, одурѣешь. Вотъ хоть бы я.
Первый то разъ я женился сейчасъ послѣ француза.
Ужъ я тогда былъ у нашего барина полнымъ офиціан-
томъ. А второй то разъ я женился въ первую холеру:
за сорокъ лѣтъ мнѣ тогда было, а тоже не могъ безъ
бабы жить.

МИТРЕВНА.

Такъ что жъ что за сорокъ? Мужчина и пятьдесятъ
лѣтъ еще въ самой порѣ для женитьбы. Вонъ я у
статскаго генерала Лаканьева въ экономкахъ жила:
пятидесяти годочковъ онъ, голубчикъ, душу Богу от-
далъ. *(Плачетъ)*.

БУДКИНЪ *(за ширмами)*.

Боже, очисти мя грѣшнаго! *(Выходитъ)*. Арефьичъ,
сходи купи мнѣ косушечку.